

*А.Н. Кашеваров,
профессор Санкт-Петербургского политехнического университета
Петра Великого*

Позиция патриарха Тихона в гражданской войне 1918 – 1920 гг.

Патриарх Тихон в определении своих принципиальных суждений стремился исходить из решений Поместного Собора, который предпринял заметные усилия, чтобы определить свои требования в создании новых церковно-государственных взаимоотношений и позицию по отношению к религиозной политике советской власти. На своей первой сессии Собор неоднократно отмечал незаконный и преходящий характер установившейся власти и характеризовал ее как «группу лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах...»¹. Однако в дальнейшем внимание Собора сместилось на оценку политики новой власти в отношении религии и церкви.

События 13–21 января 1918 г. в Петрограде (неудавшаяся попытка матросов и красногвардейцев по приказу комиссара призрения А.М. Коллонтай захватить помещения Александро-Невской лавры, в ходе которой был убит протоиерей Петр Скипетров, и грандиозный крестный ход как «всенародное моление» за гонимую Церковь) в значительной степени ускорили оформление и выражение официальной позиции высшего церковного руководства в связи с первыми мероприятиями советской власти в религиозной сфере. 19 января, в самый разгар гонений на петроградскую Церковь, патриарх Тихон выпустил свое известное послание, отлучавшее от Церкви всех, кто терроризировал население. Несмотря на то, что большевики в послании не названы, суровому осуждению первоиерарха были впервые подвергнуты главным образом конкретные шаги церковной политики советской власти².

Наиболее отрицательную реакцию духовенства и верующих, как

известно, вызвал декрет 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви. Почти сразу же после его опубликования в советской печати высшее церковное руководство - Поместный Собор и патриарх - призвало священнослужителей и мирян по существу к бойкоту декрета об отделении церкви от государства с применением следующих форм протеста: публичного осуждения действий властей, направленных на подрыв основ церковного устройства, проведению крестных ходов и организации особых братств и обществ защиты против насилия и разворачивавшихся гонений³.

К весне 1918 г высшая церковная власть убедилась в том, что одного бойкота правительственных декретов и постановлений в отношении религии и церкви недостаточно для их отмены или даже корректировки советской религиозной политики. Сопrotивление верующих конфискациям церковного имущества вызвало лишь новые репрессии. В этих условиях были необходимы переговоры с советским правительством, которые безуспешно прошли в марте и апреле 1918 г. В ходе их специальная депутация Собора под председательством А.Д. Самарина добивалась от представителей Совета Народных Комиссаров отмены постановлений советской власти в отношении религии и церкви как посягающих «на жизнь и свободу Православной народной веры»⁴.

Анализ документов, содержащихся в фонде канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода (Ф. 831) Российского государственного исторического архива, позволяет заключить, что с конца 1918 – начала 1919 г. в обстановке разгула «революционной самодеятельности» на местах и роста всячески подогреваемых новой властью антицерковных, богоборческих настроений среди определенной части населения как Высшее церковное управление, так и в целом рядовое духовенство все более решительно требовали от государственных органов точного выполнения положений именно декрета об отделении церкви от государства и других актов, принятых властью в религиозной сфере⁵. Фактически это означало постепенный отход от бойкота

религиозной политики государства, который, как показал опыт 1918 г., в условиях разрастания гражданской войны неизбежно вел к усилению противостояния Церкви и советской власти и ненужным жертвам со стороны духовенства и мирян. Впоследствии, в первом же своем послании после освобождения из-под ареста, подписанном 15 /28 июня 1923 г., патриарх вспоминал, что «еще в начале 1919 г. старался отмежевать Церковь от царизма и интервенции...»⁶.

Отход от бойкотирования советской религиозной политики особенно ускорился после принятия Народным комиссариатом юстиции 3 января 1919 г. циркуляра по вопросу об отделении церкви от государства, опубликованного в «Известиях» 5 февраля того же года. НКЮ в этом циркуляре ориентировал местные власти при осуществлении декрета об отделении церкви от государства и инструкции от 24 августа 1918 г. воздерживаться от репрессивных мер в отношении духовенства и верующих и не оскорблять их религиозных чувств. По инициативе патриарха Священный Синод в марте 1919 г. обратился в управление делами Совета Народных Комиссаров с заявлением, составленным в весьма корректной и уважительной форме. Содержание этого документа, выявленного автором настоящего доклада в Российском государственном историческом архиве, свидетельствует о том, что циркуляр НКЮ, вызвав среди высшей церковной власти «некоторое удовлетворение по отношению к действиям центрального правительства» и представление о том, что все изданные до него «правительственные постановления только исключительные меры, которые с течением времени будут подвергнуты самой радикальной реформе», возродил предложение и надежды на установление диалога с советским руководством для достижения взаимоприемлемого компромисса в государственно-церковных отношениях⁷.

Если в первой половине 1918 г. Высшее Церковное Управление призывало в целом не следовать принятым богоборческой властью декретам и актам в отношении религии и церкви, то в рассматриваемый период Синод и Высший Церковный Совет уже рекомендовали священнослужителям, как

лучше отстаивать интересы Церкви на основе формировавшегося советского законодательства⁸.

В 1918 – 1920 гг. интересы Православной Церкви перед советским руководством представляла по существу одна депутация, выступавшая сначала от имени Собора, а после прекращения его заседаний – от имени ВЦУ. С постепенным переходом высшего церковного руководства с конца 1918 г. – начала 1919 г. от бойкота декретов и мероприятий новой власти в отношении религии и церкви к фактическому признанию советских установлений в религиозной сфере ВЦУ стало ориентировать делегацию на отстаивание церковных интересов на базе «советской законности». Именно в делегацию Высшее Церковное Управление препровождало основной поток писем и жалоб с мест о гонениях и притеснениях духовенства и мирян. По каждому из этих ходатайств делегация обращалась в центральные органы советской власти – главным образом, в VIII отдел Народного комиссариата юстиции или во ВЦИК и СНК – за разъяснением и принятием соответствующих мер.

Таким образом, уже к лету 1919 г. московское ВЦУ фактически признало основные советские законы и декреты в отношении религии и церкви и стремилось не провоцировать конфликтных ситуаций с властью. Оставалось лишь в публичном официальном акте заявить об этой позиции.

Одновременно с эволюцией внешнего отношения к советской власти и ее религиозной политике патриарх конкретизировал официальную позицию Церкви в ходе гражданской войны. Как уже известно, Поместный Собор своевременно увидел угрозу грядущей гражданской войны. Предостережения противоборствующим политическим силам от действий, способных развязать кровавую междоусобицу, содержатся во всех четырех посланиях, с которыми Собор обращался с первых дней своей работы и до Октябрьского переворота 1917 г. Призывая прекратить губительное для народа и государства противостояние политических сил, Собор проявил нравственные принципиальность и мужество при соблюдении беспартийности и политического нейтралитета.

Стремление патриарха сохранить и продолжить этот принцип политического нейтралитета Церкви в гражданской войне нашло отражение в его послании от 5/18 марта 1918 г. с призывом к прекращению междоусобной брани, а также в отказе, по свидетельствам современников – А.В. Карташева, князя Г.И. Трубецкого, епископа (впоследствии – митрополита) Вениамина (Федченкова) и др., - благословить Белое движение и его вождей⁹.

На допросе 25 января 1923 г., который вел особоуполномоченный ГПУ Я.С. Агранов, патриарх утверждал, что «во время гражданской войны 1917 – 1919 г. я (т.е. патриарх Тихон – А.К.) никакой практической поддержки белым армиям, генералу Деникину и адмиралу Колчаку не оказывал. В виду моих настроений в то время я лишь оказывал Деникину и Колчаку моральную поддержку, не доходившую, однако, до дачи им благословения»¹⁰. В таком контексте моральная поддержка могла означать лишь признание своего сочувствия антибольшевистской борьбе и ее лидерам. О том, что «патриарх и члены Высшего церковного управления в 1918 и 1919 г. – до издания патриархом послания о невмешательстве духовенства в политику – определенно сочувствовали» Колчаку и Деникину в борьбе с советской властью, показал управляющий канцелярией Синода и Высшего Церковного Совета П.В. Гурьев в ходе допроса 20 января 1923 г.¹¹ Примечательно, что участники Белого движения, пытавшиеся добиться от первоиерарха хотя бы и секретного благословения своих действий, не получив такого, были почти уверены в том, что внутренне он сочувствует им, а не большевикам, развернувшим открытые гонения и террор против духовенства. Епископ Вениамин (Федченков) и член ВЦС А.В. Карташев, состоявший одновременно в антибольшевистской организации так называемого «левого центра», указывая в своих воспоминаниях на это обстоятельство, вместе с тем отмечали, что первоиерарх в то же время «видел силу красных», «не верил в возможность скорой победы белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»¹². Таким образом, вполне вероятно, что патриарх Тихон внутренне сочувствовал

антибольшевистскому движению, хотя и сомневался, видя «силу красных», в его конечном успехе.

Однако патриарх отказался благословить братоубийство, от кого бы оно ни исходило, разделять паству, которая была в рядах всех воюющих сторон. В обстановке полыхавшей гражданской войны и разворачивавшихся антицерковных кампаний Советского государства первосвященник считал целесообразным ограничить внешнюю деятельность духовенства и прежде всего священноначалия исключительно защитой Церкви, что в тех условиях было невозможно без провозглашения невмешательства ее в политику и нейтралитета в кровавой междоусобице, а также лояльности по отношению к советской власти. Такая позиция патриарха, как было показано выше, складывалась еще с конца 1918 г. постепенно под воздействием целого ряда факторов, разделялась Св. Синодом и Высшим Церковным Советом, которые уже к лету начали принимать соответствующие ей постановления, и окончательно и определенно была высказана в известном патриаршем послании от 25 сентября/8 октября 1919 г.

Патриарх призвал духовенство не подавать «никаких поводов, оправдывающих подозрительность советской власти» и подчиняться «ее велениям». Он также заявил, что Церковь не может благословить «никакое иноземное вмешательство, да и вообще никто и ничто, не спасет России от нестроения и разрухи..., пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих, а через то не возродится духовно в нового человека, созданного по Богу в справедливости и святости истины (Ефес. 4, 24)». Послание решительно запрещало духовенству встречать белых колокольным звоном и молебнами, «вмешиваться в политическую жизнь страны, принадлежать к каким-либо партиям, а тем более делать богослужебные обряды и священнодействия орудием политических демонстраций». Такую позицию патриарх аргументировал «каноническими правилами Святой Церкви», согласно которым ее служители «по своему сану должны стоять выше и вне всяких политических интересов»¹³. Послание было составлено во

время апогея наступления войск генерала А. И. Деникина, которые находились уже между Курском и Тулой, а в Москве ожидали их прихода со дня на день. Именно этот непростой момент избрал патриарх Тихон, чтобы сделать принципиальное заявление о позиции Церкви: «нести власти, аще не от Бога», с одной стороны, а с другой, «Церковь не связывает себя ни с каким определенным образом правления, ибо таковое имеет лишь относительное историческое значение»¹⁴.

11/24 октября 1919 г. патриарх, Священный Синод и Высший Церковный Совет постановили «разослать послание Святейшего Патриарха от 25 сентября сего года по вопросу об отношении церковной власти к происходящим событиям гражданской войны циркулярным указом всем епархиальным преосвященным»¹⁵. Тогда же соответствующие указы были посланы в 6 епархий, а 24 января/6 февраля 1920 г. еще в 15 епархий, включая и занятую в тот период белыми войсками Таврическую епархию¹⁶.

Особую значимость для понимания позиции патриарха по указанным выше важнейшим в тех условиях для жизнедеятельности Церкви вопросам представляет сообщение, сделанное членом Высшего Церковного Совета протопресвитером Н.А. Любимовым 13/26 декабря 1919 г. на заседании московского ВЦУ, о длившемся около двух часов допросе патриарха в секретном отделе ВЧК заместителем Ф.Э. Дзержинского М.И. Лацисом. Этот ценный документ был выявлен автором доклада в уже упоминавшемся фонде канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода РГИА и опубликован в историко-документальном альманахе «Русское прошлое» (СПб., 1998. Кн. 8. С. 215 – 227). Очевидно, что Н.А. Любимов, курировавший в органах высшей церковной власти вопросы взаимоотношений с государством, составил свой доклад со слов самого патриарха, так как сведений о присутствии протопресвитера на допросе в документах ВЦУ нет. В пользу такого предположения говорит и форма изложенного им доклада, например: «пришлось, по словам Святейшего» и т.п.¹⁷

«Признаете ли Вы вообще советскую власть? - спросил М.И. Лацис.

«Да, признаю, — отвечал патриарх, — и никому никогда не говорил, чтобы ей не подчиняться в делах мирских, и только в делах веры и благочестия должно повиноваться не мирской власти, а только воле Божьей. И думаю, что в этом моем убеждении и взгляде нет никакой контрреволюции». Патриарх также подчеркнул, что Высшее церковное управление признает советскую власть не только на словах, но и считается «с велениями этой власти» — «отменяет иногда раннейшие свои же постановления под влиянием тех или других декретов и распоряжений советского правительства. Так, например, постановление о звоне в набат, после запрещения оно советской властью, отменено было указом Высшего управления, распоряжение относительно метрических записей подтверждено было и циркулярами духовного начальства и т. д. и т. п.»¹⁸

В этом ответе патриарха содержится его понимание лояльной позиции Церкви по отношению к Советскому государству, предусматривавшей по существу лишь определенное подчинение ему в делах мирских, но исключаящее как положительную поддержку мероприятий власти, так и их порицание. При этом патриарх не стал скрывать, что лично он лишь внешним образом подчинился советской власти, продолжая, как и прежде считать ее богоборческой, а проводимую политику антицерковной. На прямой вопрос М. И. Лациса: «Вы изменили теперь свое отношение к Советской власти или по-прежнему держитесь тех же взглядов на нее, какие и высказаны в обращении ко дню первой годовщины?», - патриарх отвечал, что «он и теперь держится прежних взглядов на власть и может изменить свое отношение только в том случае, если и она изменит свое отношение к Церкви и Христовой вере. Но это не значит, что он не считается с велениями этой власти и ее не признает»¹⁹.

В заключение допроса Патриарх заявил, что он «никогда не будет вести никакой агитации в пользу той или другой форм правления на Руси и ни в каком случае не будет насилловать и стеснять ничьей совести в деле всеобщего народного голосования»²⁰.

Таким образом, данное патриархом на допросе разъяснение своей «аполитичности» и своей «лояльности» по существу исключало использование его позиции в политической игре, которую мастерски могла вести советская власть.

Принцип аполитичности разделяли и другие авторитетные иерархи, среди которых одним из наиболее последовательных приверженцев его был митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Безусловно, что каждый из иерархов, заявлявших о своей приверженности принципу аполитичности, нейтралитету в гражданской войне, зачастую по-своему понимал задачи и способы защиты церковных интересов в тех условиях. Однако их выступления и действия не могли не быть учтены патриархом при окончательной выработке своей официальной позиции по этим жизненно важным для Церкви вопросам.

Следуя провозглашенному принципу аполитизма, патриарх явно уклонялся от каких-либо заявлений, характеризующих его политические предпочтения или симпатии. Весьма показателен ответ первоиерарха на вопрос чекиста М.И. Лациса: «А какие Ваши политические убеждения, кто Вы, конечно, чай, монархист?» - «Прошу таких вопросов мне не предлагать и от ответа на них я уклоняюсь. Я, конечно, прежде был монархистом, как и все мы, жившие в монархической стране, и каких я лично теперь держусь политических убеждений, это для Вас совершенно безразлично: это я проявлю тогда, когда буду подавать голос за тот или другой образ правления при всеобщем народном голосовании»²¹.

В оценке перспектив развития ситуации внутри страны, в первую очередь прочности и долговечности советской власти, позиция патриарха Тихона, видевшего, по меткому замечанию А.В. Карташева, «силу и длительность народного увлечения большевизмом»²² и пришедшего к выводу о необходимости установления взаимоприемлемых отношений с советским государством, была гораздо более реалистичной, чем та, которую занимал

митрополит Антоний (Храповицкий) и ряд других иерархов Православной Церкви, поддержавших Белое движение.

¹ См., напр.: Там же; Прибавления к Церковным Ведомостям. 1918. № 5. С. 175.

² Акты святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917 – 1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 83.

³ См. об этом подробно: Кашеваров А.Н. Государство и Церковь: Из истории взаимоотношений Советского государства и Русской православной церкви 1917 – 1945 гг. СПб., 1995. С. 62 – 63.

⁴ Церковные Ведомости. 1918. № 2. С. 472 – 473.

⁵ См., напр.: Ф.831. Оп. 1. Д. 22. Л. 38 – 39 об.

⁶ Акты святейшего Тихона... С. 282.

⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 186. Л. 1 – 2 об.

⁸ Там же. Д. 23. Л. 103.

⁹ Акты святейшего Тихона... С. 107 – 109; Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь //Из истории христианской Церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. М., 1995. С. 26; Валентинов А. Черная книга (Штурм небес): Сборник документальных данных о борьбе советской власти против религии. Париж 1925. С.160 – 161; Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 289.

¹⁰ Следственное дело патриарха Тихона: Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 198.

¹¹ Там же. С. 195.

¹² Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. С. 289; Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь. С. 26.

28 Акты святейшего Тихона... С. 164.

¹⁴ Там же. С. 163–164.

¹⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 25. Л. 31.

¹⁶ Там же. Л. 31 об.

¹⁷ Там же. Л. 129 – 131 об.

¹⁸ Там же. Л. 130 об. — В примере относительно метрических записей патриарх имел в виду, что 19 октября/ноября 1918 г. ВЦУ разрешило «передавать в распоряжение мирской власти, по ее требованию, метрические книги за время, предшествующее изданию настоящего постановления» (Там же. Д. 21. Л. 46 об.).

¹⁹ Там же. Д. 25. Л. 131.

²⁰ Там же. Л. 131 об.

²¹ Там же.

²² Карташев А.В. Временное правительство и Русская Церковь. С. 26.